

ЯЗЫК И РЕЧЬ - ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ИЛИ ЕДИНСТВО?

© 2014 О.А. Кулаева*

Ключевые слова: язык, речь, речезыковой континуум, структурализм, этноязык, этнокультура, система языка, система речи.

Раскрывается ряд понятий: язык, речь, речевая деятельность, норма, узус. Рассмотрены проблемы единства противоположностей языка и речи и их градуальный взаимопереход.

В прошлом веке проблема единства противоположностей “язык” и “речь” получила широкое распространение. Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, Н. Хомский, Л.В. Щерба, А.Ф. Лосев, Е.С. Кубрякова и многие другие зарубежные и отечественные лингвисты высказывали свои взгляды на соотношение языка и речи в разное время.

В течение долгого времени жесткая оппозиция “язык - речь” не провозглашалась языковедами. Так, Ф. де Соссюр писал: “Оба эти предмета тесно связаны между собой и предполагают друг друга”¹. Э.Р. Атаян отметил: “Язык и речь - не разные вещи, и не разные “части” одной и той же вещи... а нечто целокупное, которое в одном отношении... выглядит некоторой системой, а в другом процессом”². По мнению Й. Коржинека, противопоставление языка и речи представляет собой не более чем операциональный прием теоретического мышления. Целый ряд языковедов склонны разделять традиционное представление о единстве языка и речи и применяют соответствующие термины гибко, придавая им несколько размытые и контекстуально обусловленные значения³.

При появлении нового течения в лингвистике - структурализма, ориентированного на использование методологии точных наук, обусловилась тенденция к формализации категориального аппарата лингвистики, к приданию лингвистическим терминам ригидности и строгости значений, к четкой дифференциации значений терминов, что привело, в частности, к провозглашению жесткой оппозиции “язык - речь”.

Резкое разделение языка и речи было структуралистским по духу. С одной стороны, оно способствовало выявлению ряда системных закономерностей строения парадигмы лингвистических знаков, с другой - привело к некоторому упрощению реальной картины изучаемого объек-

та и, на наш взгляд, в определенной мере негативно сказалось на прикладном применении лингвистической теории. В частности, в области методики преподавания широкое хождение приобрели выражения “изучение языка” и “обучение языку”, предполагающие акцент на анализе языковой системы как приоритетной дидактической процедуре, что автоматически отодвигало на задний план освоение речевой нормы и узуса и навыков речевой деятельности; многие методисты полагали, что знание языковой системы само по себе обеспечивает умение строить и понимать речь на данном языке. Это приводило к интерференции родного языка при порождении и восприятии иноязычной речи, так как речевая деятельность на естественном языке имеет свои законы, не отраженные в системе языка, а зафиксированные в правилах нормы и узуса речи. Этот методический недостаток обязан своим существованием тому факту, что в рамках общей теории знаковых систем естественный язык рассматривался как одна из них, а потому затушевывалось наличие нормы и узуса в речи на естественном языке; ведь у текстов, составленных на искусственных формализованных языках, нет признаков наличия нормы и узуса.

Освоение нормы и узуса, т.е. промежуточных страт между языком и речью, а также связей этноязыка с этнокультурой дают возможность заметно снизить интерференцию и приблизить речь обучаемых к аутентичной речи носителей изучаемого языка. Кроме того, учет явлений, промежуточных между языком и речью, весьма полезен в целях совершенствования способов перевода, создания диалоговых систем “человек - ЭВМ” на базе естественного языка и т.п. Это ставит задачу возвращения на рельсы доструктуралистского взгляда на язык и речь, но не в плане их отождествления, а (на новом

* Кулаева Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент Самарского государственного экономического университета. E-mail: samaraolga19@mail.ru.

витке спирали развития науки) в плане единства противоположностей.

Обобщая вышесказанное, сделаем следующие выводы.

Язык - система знаков, совокупность единиц и правил оперирования ими; комплекс средств выражения мысли; иерархия; парадигматика; содержание лингвистической компетенции; чувственно не наблюдаемое явление; потенциал речи; статика; коллективное достояние. Итак, язык - это орудие мышления и общения.

Норма и узус - часть совокупности языковых правил, реально используемых в определенном исторический период; традиционно употребляемые и принятые коллективом языковые модели; устоявшиеся тенденции отбора и комбинирования языковых средств; парадигматика; статика; коллективное достояние. Итак, норма и узус - это общепринятые приемы пользования орудием.

Речевая деятельность - процессы говорения и понимания; функционирование языка; акты речи; порождение и восприятие речи; переход от мысли к речи и от речи к мысли; синтагматика; динамика; индивидуальная деятельность. Итак, речевая деятельность - это процесс пользования орудием.

Речь - совокупность способов выражения мысли; совокупность всего сказанного (написанного) и воспринятого; результат говорения (письма); наблюдаемое явление; массив высказываний и текстов; синтагматика; практическая реализация языка; индивидуальные произведения. Итак, речь - это результат пользования орудием.

На наш взгляд, нейтрализация позиций между рассматриваемыми понятиями, наблюдаемая в трудах отечественных и зарубежных лингвистов (язык \equiv речевая деятельность; речь \equiv речевая деятельность; следовательно, язык \equiv речь), говорит не столько о путанице понятий и классификационных недоработках исследователей, сколько о синкретизме изучаемого феномена и об известной условности его деления на аспекты. Зачастую в языкознании бывает целесообразно применять термины не в строгих ригидных, а в гибких размытых значениях, варьируя их смысловое наполнение в зависимости от контекста. Данный подход согласуется с концепцией речезыкового пространства.

Нам хотелось бы обозначить свою позицию по некоторым вопросам.

Противопоставление языка и речи по парам признаков "внутреннее : внешнее", "виртуаль-

ное : реальное", "ненаблюдаемое : наблюдаемое" представляется нам размытым и поэтому недостаточным для определения двух отдельных понятий. Г. Гийом называл язык чем-то "мыслимым в представлении", а речь - "внешним выражением обдуманного". Однако на практике "мыслимое в представлении", или лингвистическая компетенция (Н. Хомский), включает далеко не только единицы и правила языковой системы. А ведь в памяти членов языкового коллектива хранятся также "надязыковые" устойчивые лингвистические единицы: крылатые выражения, афоризмы, расхожие цитаты, многочисленные речевые стереотипы, устойчивые не в рамках системы языка, а в рамках нормы и узуса, структурно-семантические модели, выходящие за рамки языковой системы, а также навязшие в зубах рекламные слоганы, политические лозунги, обрывки стихотворений из школьного курса и т.д. Все это, наряду с единицами языка (словами, фразеологизмами, поговорками и т.д.), составляет материал для порождения "внешней" речи. Таким образом, "виртуальное" ("мыслимое") носит как системно-языковой, так и нормативно-речевой характер, и провести отчетливую границу между этими компонентами лингвистической компетенции весьма нелегко. Порождая речь, коммуникант не только отбирает и комбинирует языковые единицы, но и широко использует достижения чужого речетворчества - фрагменты готовых речевых произведений, хранящиеся в его лингвистической памяти как нормативно-устойчивые единицы. Разделить лингвистическую компетенцию на "языковую" и "речевую" можно скорее условно, чем объективно.

При противопоставлении языка речи как массового и долговременного узкоупотребительному и кратковременному наблюдается определенное противоречие между теорией и практикой. На практике жаргонизмы, существующие всего несколько лет и употребляемые узким контингентом носителей языка, считаются языковыми единицами, а многие устойчивые формулировки, существующие веками и употребляемые всенародно, считаются единицами речи. Существуют и другие критерии, кроме массовости и долговечности.

Разграничение языка как средства и речи как способа выражения мысли также нечетко. Если в сфере материального производства легко отличить средство от способа его применения, то в сфере духовного производства средство и способ нередко имеют неотличимый вне-

шний облик и не обладают очевидными показателями различия. Речевые единицы, становясь языковыми в рамках глоттогенеза, сохраняют прежнюю форму. В этом аспекте различия между языковыми и речевыми единицами носят не структурный и не субстанциональный, а функциональный характер, и требуется порой сложный комплекс исследовательских процедур, чтобы отличить одно от другого.

Из вышесказанного следует, что разграничение языка и речи в целом не может быть проведено по одной-двум парам дифференциальных признаков; лишь их большая и сложная совокупность позволяет осуществить такое деление, но даже в этом случае оно остается нестрогим и размытым, со значительным числом промежуточных (переходных) явлений, и это не совершенство исследовательских моделей, а отражение реального положения дел в сфере речевой деятельности.

Вопрос о границе между двумя явлениями возможен лишь в том случае, если они онтологически однородны. В данной связи постановка вопроса о границе между языком и речью может вызвать возражения у тех лингвистов, которые во главу угла ставят оппозицию “язык” и “речь”, как идеальное, ненаблюдаемое - материальное, наблюдаемое. В этом аспекте язык и речь действительно онтологически разнородны, а потому с этой точки зрения не может идти речи о границе между ними. Однако существуют и другие аспекты, в которых язык и речь предстают как однородные явления: устойчивые (языковые) и (неустойчивые) речевые единицы, наряду с различиями, характеризуются целым рядом общих черт. В этом аспекте, на наш взгляд, можно ставить вопрос о границе между языком и речью. Еще раз хочется сказать, что мы имеем в виду границу между корпусами языковых и речевых единиц.

Итак, что же представляет собой “лингвистическая единица”?

Т.П. Ломтев писал: “Все лингвистические единицы являются единицами языка и речи; одной стороной они обращены к языку, другой - к речи”⁴. Мысль о двояком статусе лингвистических единиц, несомненно, верна, но ее формулировка в определенной мере амбивалентна и потому, на наш взгляд, может быть неверно истолкована. Ведь если всякая лингвистическая единица есть одновременно языковая и речевая единица, то напрашивается вывод о том, что множе-

ство лингвистических единиц не делится на подмножества единиц языка и единиц речи. Тогда оказывается, что язык и речь состоят из одних и тех же единиц и, следовательно, тождественны. Но, на наш взгляд, Т.П. Ломтев лишь не указал на разницу в пропорции языкового и речевого компонентов у разных видов лингвистических единиц. Между тем одни лингвистические единицы являются по преимуществу языковыми, другие - речевыми; а языковые и речевые свойства совмещены примерно в равной пропорции. Так, слово - это преимущественно языковая единица; оно лишь реализуется в речи в качестве совокупности знаков-событий, а в качестве знака-типа принадлежит языку. Слово “обращено к речи” лишь своей функциональной стороной. Переменное словосочетание и высказывание - это преимущественно речевые единицы: они создаются и существуют в актах речи, а не в системе языка, хотя своим компонентным составом и структурой “обращены к языку”. Слабоустойчивые словосочетания и высказывания пребывают на грани между языком и речью, проявляя примерно равное соотношение языкового и речевого компонентов.

Градуальный взаимопереход между полярными явлениями довольно распространенный и хорошо известный науке факт, отраженный в понятии “континуум” и наглядно проиллюстрированный в знаменитой апории Зенона “Куча”. Границу между кучей и некучей установить сложно, ее можно определить лишь условно. Но это не значит, что такой границы не существует. Она существует, но она размыта. Также трудно определить границу между патологией и здоровьем, несмотря на то, что эти два состояния отнюдь не идентичны, а наоборот - полярны. К этому же классу явлений принадлежит оппозиция “язык - речь”⁵.

¹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977.

² Атаян Э.Р. Язык и внеязыковая деятельность. Ереван, 1987.

³ Белякова О.В. Формализованный подход к представлению структуры лингвокультурного сценария // Вестник Самарского государственного экономического университета. Самара, 2006. № 1 (19).

⁴ Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. М, 1976.

⁵ Савицкий В.М., Кулаева О.А. Концепция лингвистического континуума. Самара, 2004.